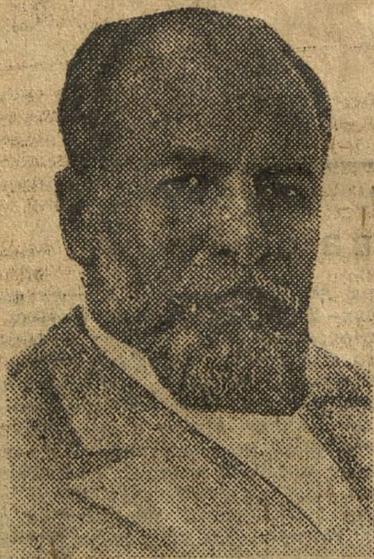

Мысли о театре

В. И. НЕМИРОВИЧ-ДАНЧЕНКО ВОЗВРАТИЛСЯ В МОСКВУ

В. И. Немирович-Данченко

После двухлетнего пребывания за границей в Москву вернулся за днями один из создателей и руководителей МХАТ СССР им. Горького народный артист республики Вл. Ив. Немирович-Данченко.

Несмотря на летнее межсезонье работы для Владимира Ивановича оказалось в Москве много.

— Мне очень нравится пьеса «Егор Булычев». С удовольствием жду момента, когда будет ее «выпускать». Вы наверняка знаете, что у нас в Художественном театре, кто бы ни ставил спектакль, кто бы ни был режиссером, когда спектакль готов, его выпускает или Константин Сергеевич или я.

Очень интересует меня «Ложь» Афиногенова. Это настоящая драматургия.

Ведется работа и над «Бегом» Булгакова. Три года назад я уже занимался этой пьесой. Если конец ее будет переделан автором, я думаю, получится очень сильный спектакль. Очень интересна и другая его новая пьеса — «Мольер», рисующая столкновения Мольера с клерикальными партиями, группировавшимися вокруг Людовика XIV. Совсем готова постановка комедии Островского «Таланты и поклонники» для филиала МХАТ — «В людях», драматизированный монтаж рассказов Горького. Но это делалось без меня. Что вышло, не имею понятия. В спектакле Горького выдвигается новая режиссерская си-

ла — Кедров. Актеры им очень довольны, и спектакль, говорят, получится крепкий...

Но с еще большим увлечением, — говорит Владимир Иванович, — я отношусь к своим музыкальным задачам. Сейчас я занимаюсь «Травиатой» и оперой Шостаковича «Леди Макбет Мценского уезда» (название надо переменить). Я занят и стройкой нашего музыкального театра, сразу по приезде окупился в планы и проекты. Мы остановились сейчас на двух проектах здания будущего театра: это проект архитектурного кабинета при Наркомпросе и проект художника Исаака Рабиновича. Проект Рабиновича — очень талантливый, но не законченный, и мы стремимся использовать хотя бы его элементы и выработать общий единый проект с участием Крутикова и Рабиновича.

Во все это я окупился с огромным аппетитом, после того как два года стоял в стороне. Правда, в течение этих двух лет я был в курсе всех театральных событий. За границей и исправно получал московские газеты и журналы, регулярно следил за «Советским искусством», таким образом я знаю и все споры, дискуссии, турниры Киришона с Вишневым... Кстати, с большим интересом прочел я на днях в «Советском искусстве» статью Тальникова об актере и театре. Очень нужная, по-моему, и в большинстве положений очень верная статья.

Свою работу в Художественном театре я понимаю так.

Я должен делать то, что другой вместо меня не может сделать. У нас и хорошие режиссеры и хорошие, умеющие самостоятельно работать актеры. Но на моей обязанности лежит — внимательно следить за всем, что делается, и, если понадобится, в нужный момент сказать: «Это не Художественный театр». Не тот Художественный театр, который приобрел мировую славу, или не тот, какой хочет иметь наше правительство. И в этот момент начинается моя работа — режиссерская или административная. Я говорю: «Или административная», — потому что традиции Художественного театра, достойные охраны, заключаются не только в его искусстве. За всем этим я обязан следить со всей настойчивостью, на какую способен. Это я и считаю своей главной миссией в Художественном театре.

Другая моя работа — крепко поставить на ноги Музыкальный театр. Может быть, это даже главная задача последних лет моей жизни.

К сожалению, — жалуется В. И., — до сих пор меньше всего — по сравнению с Ленинградом, и особенно с заграничной — придавали значения моему Музыкальному театру в Москве.

Два года назад В. И. Немирович-Данченко пришлось случайно услышать радиопередачу доклада Альфреда Керра, известного германского театрального критика о театре. Керр подчеркнул, что Германия до сих пор хорошо помнит спектакли московского Музыкального театра им. Немировича-Данченко, гастролировавшего за границей четыре года назад, но что театры Западной Европы только сейчас начинают понимать все то значение, какое имела для них московская постановка «Карменситы». «Лизистрате» и «Карменсите» очень много говорилось и писалось в Америке. Большое внимание уделялось театру и в Испании на международном театральном съезде в Барселоне.

Между тем Москва по каким-то сложным, я бы сказал даже находящимся вне искусства, причинам, оказывалась всегда консервативнее. У Музыкального театра сразу явилось много врагов, создалась не очень хорошая атмосфера для его работы.

Но теперь, — отмечает В. И., — все больше и больше начинают подчеркивать значение Музыкального театра. И я окрыляюсь, у меня больше уверенности в успехе. Именно поэтому я спокойно и смело принимаю тот подарок, который нам делает правительство, отведя великолепное место для строительства театра на Тверском бульваре и отпуская средства на постройку.

На днях В. И. Немирович-Данченко ездил к А. М. Горькому по делу о создании около Художественного театра академии театрального искусства. Академия предполагает выпускать целые театральные коллективы: труппу с режиссером, помощником режиссера, художником, портным, парикмахером и т. д.

Начнем мы, вероятно, скромно, с малого, — говорит В. И., — но через два-три года академия, несо-

менно, развернется в огромное культурное дело.

На вопрос о том, как он расценивает последнюю постановку МХАТ «Мертвые души», начатую три года назад еще под его руководством, Владимир Иванович ответил, что спектакль вышел не таким, каким он его задумывал.

«Мертвые души» — рассказывает В. И., — были задуманы мною, как «Воскресенье». Я хотел, чтобы в зале чувствовался дух Гоголя, как дух Толстого витает в зале на спектаклях «Воскресенья». И как в «Воскресеньи» Качалов говорит от лица Толстого, так здесь он должен был говорить от лица Гоголя. Я считаю, что в «Воскресеньи» актерский материал у Качалова, который только говорит от лица автора, — выше и значительнее многих его настоящих «ролей» в других спектаклях. «Мертвые души» мыслились на сцене как поэма Гоголя, а не как комедия. И для этого нужно было, чтобы у Качалова были большие патетические куски. К сожалению, это не вышло — оттого ли, что это было невозможно или не привилась эта идея, не знаю. Однако в спектакле есть ряд великолепных исполнителей, в первую очередь — Тарханов, Кедров.

В. И. рассказывает, что в той же манере, как ставилось «Воскресенье», МХАТ намечал в свое время еще ряд других постановок вплоть до «Евгения Онегина».

В первые же дни приезда в Москву В. И. побывал на выставке «Художники РСФСР за 15 лет».

— Вот еще чем я живу эти дни, — говорит В. И., — впечатлением, полученным от выставки.

Я особенно восхищен представленной на ней портретной живописью. Она приятно поражает новизной, и притом новизной, свободной от вычурности. Есть на выставке вещи прекрасные до гениальности...

Когда приезжают из-за границы, обычно считают обязательным делать комплименты Союзу и ругать Запад. Я не склонен это делать. Конечно, театр на Западе в невероятнейшей отсталости. Лет на 20—30 отстал он от советского театра. И за границей чувствуется невероятное кипение творческих сил у нас, особенно после толчка, который даю искусству постановления ЦК от 23 апреля. Но есть какие-то протесты театральные вещи, без кото-

рых как бы и не может быть театра, но которые почему-то нелегко даются нашему драматургу. Вероятно, это происходит от такого обилия задач, которое захлестывает советского драматурга.

Чувство театра должно быть сильнее. Я боюсь, что у нас так много теоретизируют, что этим засоряют источники театральной потенции, театральной фантазии, силы искусства. Человек только еще схватил едва-едва осознанное ощущение, а его начинают «прорабатывать». Это похоже на то, как если бы расковыривали бутон, чтобы он скорее распустился. У человека появились еще только первые неясные ощущения будущего художественного произведения, а в это время теория начинает их трогать, переставлять и тем самым засушивает художника, лишает молодой непосредственности, какой-то театральной радости, желания «играться» в театре.

Вот скажешь такое, — Владимир Иванович улыбается, — и на тебя сейчас же накинутся: «Ах, вы снижаете роль театра, вы лишаете его высокого политического значения»... Я глубоко убежден в том, что каждый из наших наиболее известных 20—30 авторов на сто процентов советский человек. Но они стараются быть на сто тридцать советскими. Может быть, эти 30 процентов идут уже за счет театральной, за счет «чувства театра». Нельзя стать драматургом, не имея потенции актера.

Когда-то Золя писал из Парижа в своем письме в редакцию «Вестник Европы», что драматургом может стать каждый талантливый писатель, если он умен.

И однако, сам Золя не смог стать драматургом. И Мопассан не смог стать драматургом. Значит, дело решают не только ум и литературный талант. Нужно еще и ощущение, чувство театра.

В. И. Немирович-Данченко горячо возражает и против того мнения, в последнее время высказываемого мнения, что театральный критик должен быть крепко связан с театром.

— Да, если критик попадает в театр, будет с ним связан, будет как-то состоять при театре, — он и критических статей писать не будет. Он непременно втянется в театральную жизнь, он станет режиссером, актером, кем хотите, но перестанет быть критиком.

Д. КАЛЬМ